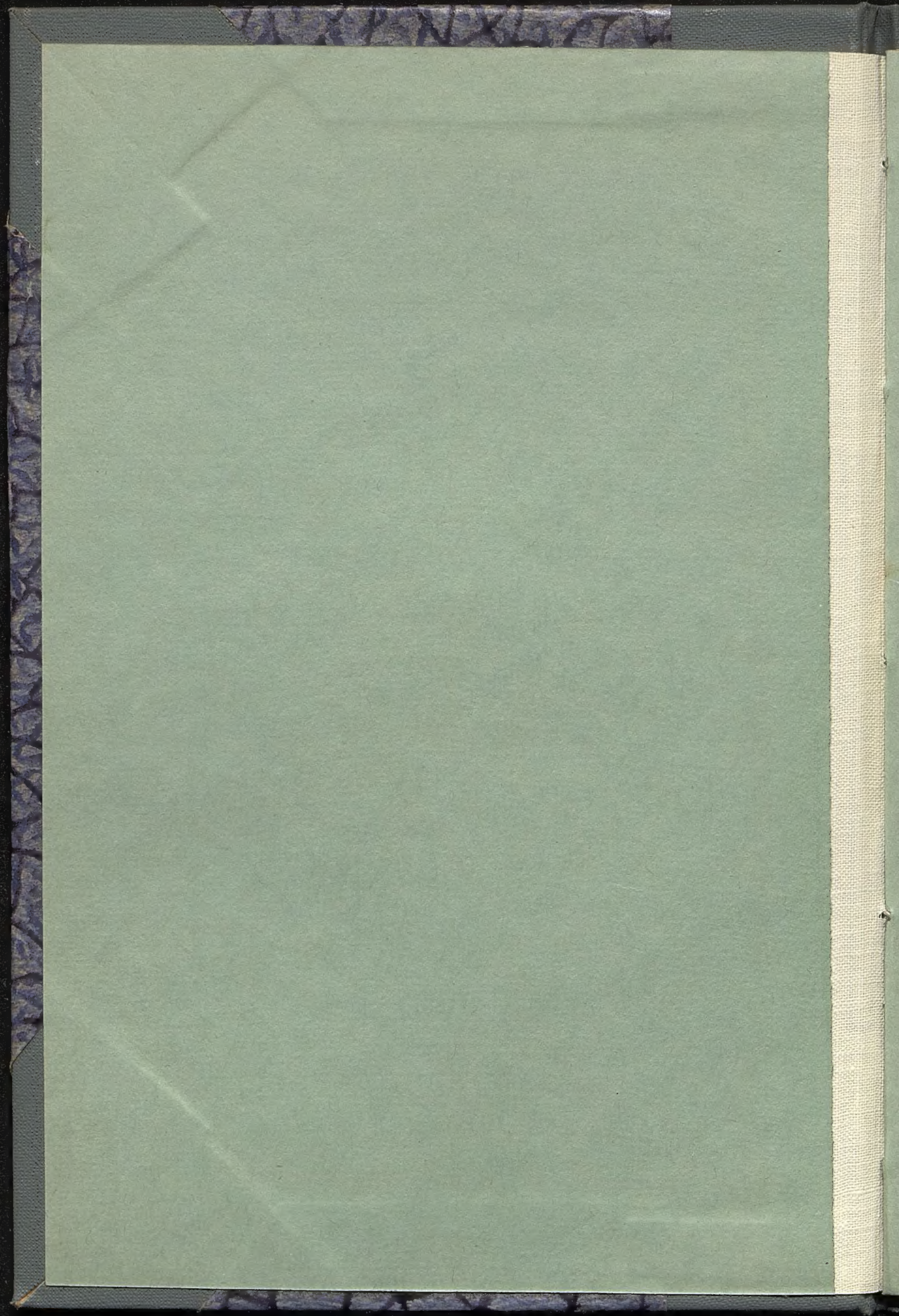
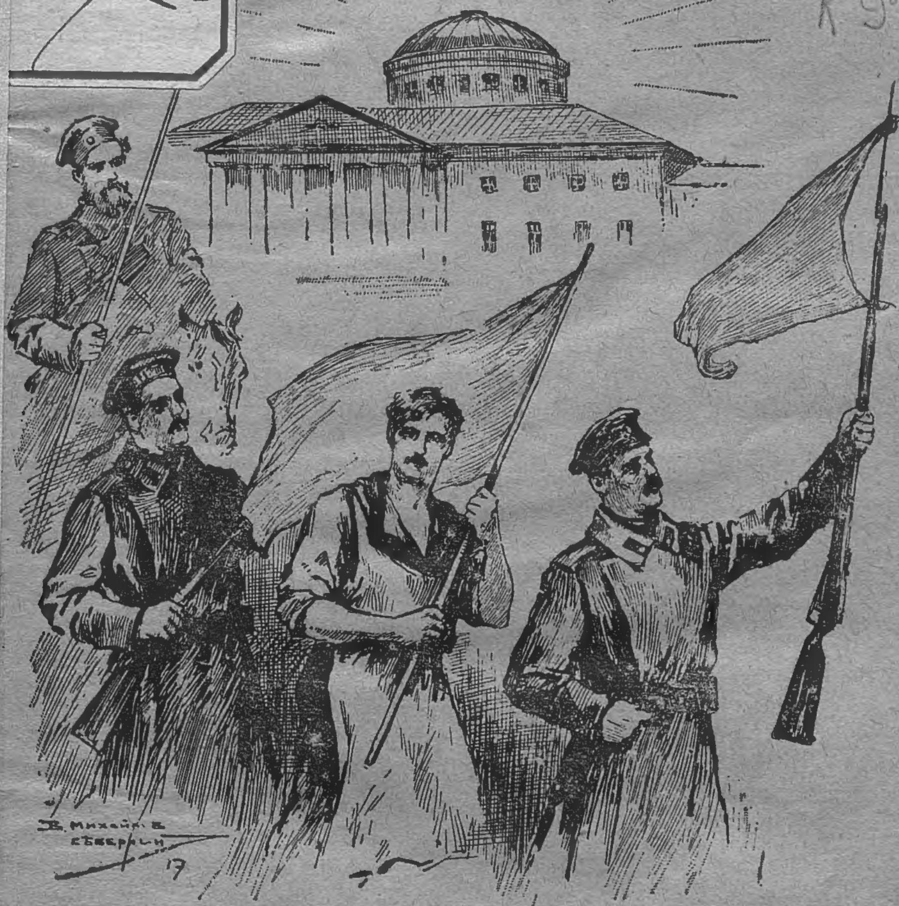
Кузнецов
Кто народу дал свободу.
Пг., 1917 г.

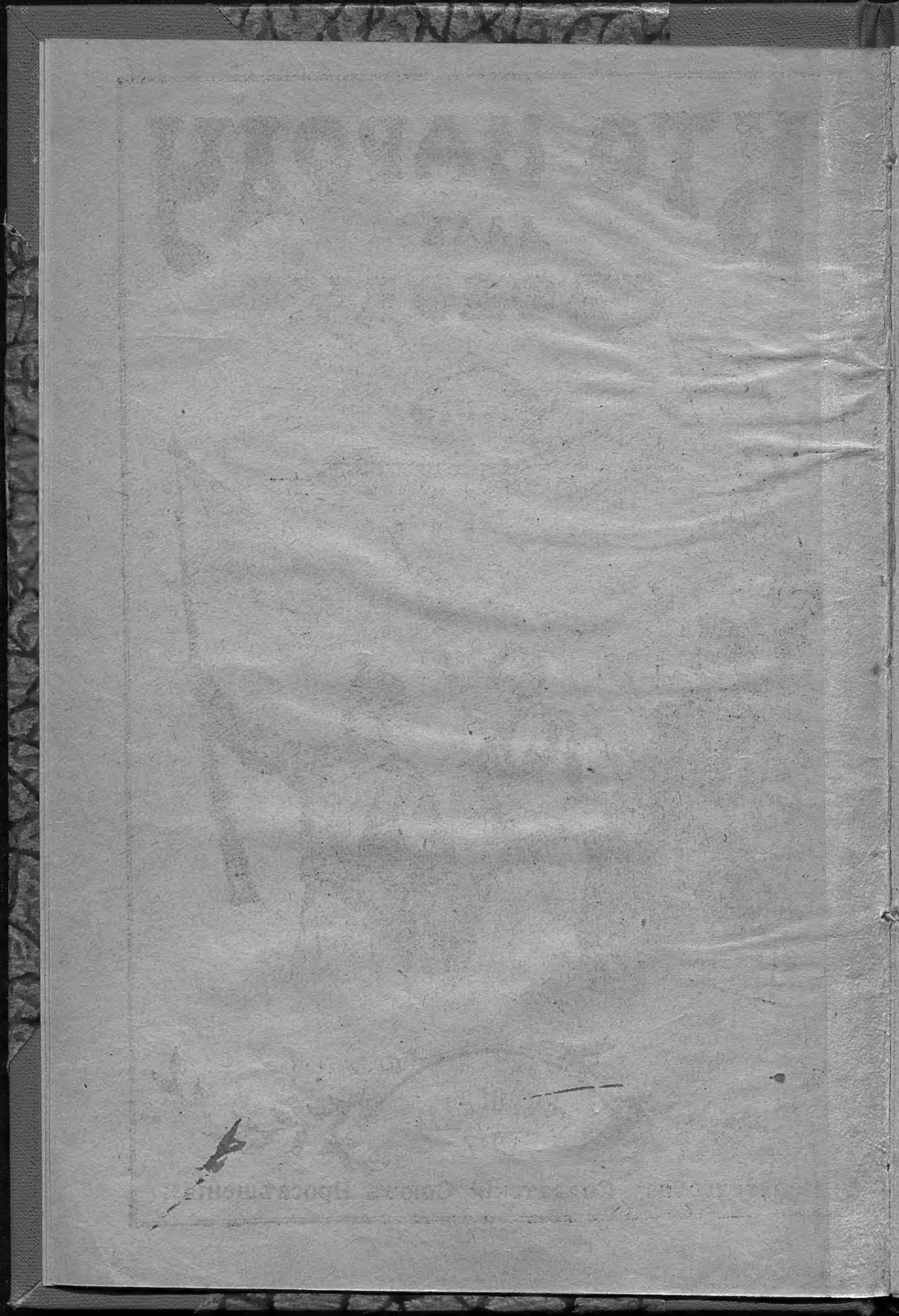

Кто народу далъ свободу.

ПЕТРОГРАДЪ
1917.

Издательство „Солдатскій Союзъ Просвѣщенія“.

Д. М. Кузнецовъ.

КТО НАРОДУ, ДАЛЪ СВОБОДУ?

НОВЫЙ КУРСЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Тип. Общ. Градов.

Кто открылъ пути къ свободѣ?
Кто зажегъ ея лучи?
Кто на утреннемъ восходѣ
Отъ тюрьмы принесъ ключи?

Кто съ улыбкою счастливой
Снялъ замки и кандалы?
Кто рукою торопливой
Вывелъ узниковъ изъ тьмы?

Кто заставилъ сердце биться
И помогъ прозрѣть очамъ?
За него хочу молиться,
Устремляясь къ небесамъ!

Леонидъ Афанасьевъ.

I. НЕ ЧУДОМЪ, А КРОВЬЮ.

Въ какихъ-нибудь два—три дня подъ могучимъ напоромъ объединенныхъ народныхъ силъ рухнула самодержавная власть Романовыхъ, душившихъ Россію въ теченіе долгихъ столѣтій.

— Сорокавосьмичасовая революція! — удивлялась иностранная печать, посвящая свои столбцы происшедшему у насъ перевороту.

— Чудо! — твердилъ въ умиленіи самъ русскій народъ, оглядываясь назадъ, на тотъ истинно богатырскій трудъ, который онъ совершилъ въ нѣсколько дней.

Въ медовый мѣсяцъ, точнѣе, въ медовыя недѣли великой русской революціи мы не могли называть то, что произошло, иначе какъ чудомъ. Вѣдь, если бы еще 26-го февраля объявился пророкъ, который сталъ бы утверждать, что въ ближайшемъ времени кровожадный Николай II и, вмѣстѣ весь его ненавистный родъ будетъ сверженъ, не найдя ни въ комъ ни защиты, ни сочувствія,—то ни одинъ болѣе или менѣе здравомыслящій человѣкъ не придалъ бы этимъ пророчествамъ никакого значенія. Между тѣмъ уже 2-го марта съ головы самодержца была навсегда сорвана корона, а онъ самъ находился на пути къ позорному заключенію.

Удивительно ли, что это было окрещено словомъ «чудо». Чудомъ все это казалось и чудомъ должно было казаться намъ.

Конечно, какъ утверждаетъ поэтъ,—

Если хочешь вѣрить чуду,
Чудо будетъ каждый день
За тобой вездѣ и всюду
Тихо слѣдовать, какъ тѣнь...

Но сейчасъ, когда первый пылъ восторга и упоенія побѣдой прошелъ, у насъ вовсе не должно быть желанія видѣть въ происшедшемъ чудо. Если бы февральскія и мартовскія событія разразились помимо нашей воли, помимо нашихъ ста-

раній, то ихъ нельзя было бы, разумѣется, не приписать чуду. Но вѣдь здѣсь сыграла роль только наша воля, только наши старанія.

Развѣ не было борьбы? Развѣ улицы столицы не обагрились кровью? Развѣ тутъ и тамъ не появились могильные курганы, подъ которыми покоятся тѣла погибшихъ борцовъ за свободу?

Нѣтъ, свобода не свалилась съ небесъ, мы ее обрѣли въ борьбѣ, тяжелой и кровопролитной, мы вышли за ней и завоевали. Все было—и кровь, и раны, и муки, и сомнѣнія, но въ конечномъ итогѣ былъ успѣхъ.

И теперь разобраться должны мы не въ чудѣ, которое въ сущности и не произошло, а въ томъ, кто главнымъ образомъ посодѣйствовалъ одержанному успѣху.

II. КТО ОНИ?

Кто они, истинные побѣдители самодержавія? Кто тѣ, на чью долю выпала безсмертная слава освободителей необъятной Руси отъ вѣкового царскаго ига?.

На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ:

— Народъ.

Но народъ — понятіе слишкомъ растяжимое, слишкомъ общее. Народъ въ цѣлой своей массѣ только санкціонировалъ, т. е. подтвердилъ революцію, но не начиналъ ее, несмотря на то, что уже давно былъ настроенъ революціонно.

Это сдѣлали частицы народа. Изъ кого же состояли частицы эти?

— Изъ рабчихъ.

— Изъ солдатъ.

— Изъ членовъ Государственной Думы и общественныхъ дѣятелей.

На первыхъ двухъ отвѣтахъ сходится вся Россія. Что касается третьяго, то многіе его отрицаютъ, полагая:

— Государственная Дума не дѣлала революціи, она только пошла за ней, ее лишь заставили пойти за ней.

Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводятъ тотъ фактъ, что председатель Государственной Думы Родзянко, когда Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ предъявилъ свои требованія,

былъ настолько растерянъ, что не находилъ никакихъ доводовъ для оспариванія этихъ требованій и только отвѣчалъ:

— По совѣсти, ничего не могу возразить.

Еще приводятъ слова депутата Шульгина, сказанныя имъ, когда рѣчь зашла о сверженіи Николая II и объ Учредительномъ Собраніи:

— Если бы мнѣ сказали два дня тому назадъ, что я выслушаю это требованіе и не только не буду противъ него возражать, но признаю, что другого исхода нѣтъ, что эта самая рука будетъ писать отреченіе Николая II, два дня тому назадъ я назвалъ бы безумцемъ того, кто бы это сказалъ, и себя считалъ бы сумашедшимъ. Но сегодня я ничего не могу возразить. Да, Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

Пусть такъ, пускай Государственная Дума не взяла на себя **почина** въ великомъ дѣлѣ освобожденія родины, но все же она участвовала въ немъ и посодѣйствовала его успѣху.

Такимъ образомъ мы имѣемъ триединаго побѣдителя царизма триединаго освободителя Россіи отъ самовластія Романовыхъ.

Но какова заслуга каждой изъ этихъ частицъ народа? Могутъ сказать, что выясненіе подобнаго вопроса—праздное занятіе. Дѣло сдѣлано, такъ не все ли равно, кѣмъ и въ какой степени.

О, нѣтъ! Февральская революція 1917 г.—такое великое, такое славное дѣло, что оно затмитъ собой на страницахъ міровой исторіи цѣлый рядъ событій первостепенной важности. Объ этой революціи будетъ помнить все человѣчество и ея творцамъ уготована вѣчная слава. Какъ же не знать, кто ея творцы и кто какую долю участія въ нее внесъ!

III. СОЛДАТЪ ИЛИ РАБОЧІЙ?

Солдатъ или рабочій — кому изъ нихъ принадлежитъ пальма главенства въ побѣдѣ надъ царизмомъ?

На первый взглядъ отвѣтъ можетъ быть только одинъ, а именно:

— Рабочій.

Вѣдь рабочій первый появился на улицахъ столицы, первый завопилъ:

— Хлѣба и свободы!

И первый принесъ на алтарь революціи свои кровавыя жертвы Какой же можетъ быть вопросъ тутъ.

Правда, скоро будутъ опубликованы документы, изъ которыхъ станетъ извѣстно, что нѣкоторые гвардейскіе, преимущественно преображенскіе, офицеры участвовали въ уничтоженіи лже-пророка Распутина, что цѣлый рядъ офицерскихъ именъ попалъ послѣ этого дѣла въ черный проскрипціонный списокъ, что среди преображенцевъ въ самые послѣдніе дни были заговоры противъ стараго строя. Молодые гвардейскіе офицеры, какъ предки ихъ—декарбисты, мечтали сами сдѣлать революцію, поднять команды, вывести ихъ на площадь и требовать Свободы.

Но ихъ предупредилъ рабочій. Въ фабричныхъ кварлахъ Петрограда еще задолго до незабвенныхъ февральскихъ дней впервые раздался кличъ: «такъ дальше жить нельзя!», и впервые возникла рѣшимость начать борьбу съ ненавистнымъ самодержавнымъ сторемъ.

Какія толпы петроградцы видѣли въ двадцатыя числа февраля спѣшащими на Невскій проспектъ, на площади, чтобы требовать хлѣба и свободы? Конечно, только рабочія.

Итакъ, не можетъ быть двухъ мнѣній относительно того, что отцами великой русской революціи, передовыми застрѣльщиками ея были рабочіе. Они первые заволновались, первые вышли на улицу и первые начали борьбу. И вѣчная слава пролетаріату, освободившему русскій народъ отъ романовскаго деспотизма!

Но съ первыхъ же шаговъ рабочаго по пути революціи ему помогъ солдатъ, не только съ первыхъ же шаговъ, но и до нихъ. Еще въ концѣ 1916 г. въ воздухѣ чувствовалось, что солдатъ на сторонѣ стремящихся къ свободѣ, а не тѣхъ, кто является врагами ея. И это обстоятельство дѣйствовало на рабочаго и вліяло на слагавшуюся рѣшимость его выйти на борьбу.

Въ квартирхъ семейныхъ рабочихъ происходили наканунѣ выступленія трогательныя сцены. Жены, матери, сестры и дѣти упрашивали своихъ кормильцевъ:

— Не ходи, родимый, вѣдь убьютъ тебя царскіе опричники.

Но кормильцы твердили одно:

— Бояться солдатъ нечего, они насъ трогать не станутъ, они за насъ.

И это «они за насъ» съ волшебной силой дѣйстовало на женщинъ и стариковъ, которые больше не препятствовали своимъ кормильцамъ ходить па Невскій проспектъ, гдѣ, какъ знали, царское правительство готовило отпоръ революціонному натиску.

Достовѣрно извѣстно, что въ ночь на 7-е анваря т. г., по распоряженію проклятаго Протопопова, въ совѣщательномъ залѣ петроградскаго градоначальства было совѣщаніе, въ которомъ участвовали градоначальникъ Балкъ, начальникъ охраннаго отдѣленія генералъ Глобачевъ, жандармскій генералъ Волковъ, полицеймейстеры и др. Начавшееся въ девять часовъ вечера совѣщаніе окончилось лишь въ четвертомъ часу ночи. Обсуждались мѣры противъ выступленія народныхъ массъ. Впервые въ этомъ засѣданіи одинъ изъ жандармскихъ генераловъ высказалъ опасеніе, что едва ли, какъ прежде, войска явятся надежной опорой для правительства. Одинъ изъ присутствовавшихъ, представитель департамента полиціи, прочелъ документъ, указывавшій, что пропаганда уже проникла во многія войсковыя части и что трудно разсчитывать, чтобы солдаты безотчетно разстрѣливали толпу, какъ они это дѣлали 9-го января 1905 года.

— Что же намъ дѣлать?—въ отчаяніи воскликнулъ генералъ Глобачевъ.—Неужели сложить оружіе и пойти вмѣстѣ съ ними?

Заявленіе о ненадежности войскъ такъ ошеломляюще подѣйствовало на собравшихся, что они не могли придти къ опредѣленному рѣшенію.

Царскія власти вообще теряли голову и не смогли организовать дѣйствительнаго отпора революціи, за потерей главной опоры—войскъ.

Такимъ образомъ, солдатъ не только увѣнчалъ революцію, но еще задолго до выступленія рабочаго явился ея вѣрнымъ союзникомъ, даже, точнѣе, его вдохновителемъ. Ибо, весьма вѣроятно, что если бы было извѣстно, что солдатъ твердо стоитъ на сторонѣ правительства, рабочій не вышелъ бы такъ бодро и безумно смѣло безъ оружія, и торжество революціи было бы отложено или повлекло бы много, много кровавыхъ жертвъ.

IV. КАЗАКИ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, солдатъ не только увѣнчалъ дѣло великой русской революціи, но и далъ рабочему возможность начать ее. И первую возможность дали, безпристрастно говоря, **казаки**.

Казакъ! Какъ много въ этомъ словѣ для сердца русскаго слилось. Въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій казакъ являлся самымъ ревностнымъ слугой царскаго самовластія. Онъ избивалъ нагайками безоружныхъ студентовъ и рабочихъ, онъ разстрѣливалъ и солдатъ,когда тѣ дѣлали попытку къ возстанію. И всегда, когда готовились выступленія противъ царскаго правительства, самымъ охолаживающимъ доводомъ служило слово — «казакъ».

Можетъ быть, и въ февралѣ великаго семнадцатаго года волненіе не приняло бы такого широкаго размаха, если бы казакъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ всегда.

Но казакъ почувствовалъ себя сыномъ народа и, благодаря ему, народное дѣло сразу разрослось.

23-го февраля на улицахъ столицы появились казацкія сотни, посланныя на усмиреніе народа. Но поведеніе ихъ сразу было угадано толпой. Не чувствовалось уже прежняго казацкаго рвенія, нагайки не работали почти вовсе, лошадямъ не давалось столько воли, какъ прежде. Ясно было, что казаки, не выходя изъ повиновенія начальству, въ то же время старались чѣмъ меньше вреда наносить народной толпѣ. И послѣдняя всюду встрѣчала казаковъ криками:

— Да здравствуютъ казаки!

Пишущій эти строки лично былъ свидѣтелемъ знаменательной сценки въ Петроградѣ, на Васильевскомъ Островѣ. Шла толпа рабочихъ, а за ней, на почтительномъ разстояніи, двигался небольшой—человѣкъ 40-50—казачій отрядъ подъ предводительствомъ коннаго городового. Когда толпа запѣла: «Встава, подымайся, рабочій народъ», городовой весь побагровѣлъ, пришпорилъ лошадь и крикнулъ казакамъ:

— Впередъ!

Но полицейскій «впередъ» остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Казаки продолжали подвигаться медленной рысцей и, какъ бы повинуясь своему рѣшенію, не погнались за толпой, которая продолжала и шествіе и пѣніе.

Какъ же было тутъ не кричать: «Да здравствуютъ казаки».

25-го февраля уже были форменные отказы казаковъ стрѣлять въ толпу. На окраинахъ столицы казаки предупреждали рабочихъ о засадахъ. У Николаевскаго вокзала видѣли, какъ казакъ шашкой снесъ голову полицейскому офицеру, который застрѣлилъ студента.

Послѣ всего этого рабочіе не могли не увѣровать въ то, что казаки не будутъ противъ народа. И движеніе, подъ вліяніемъ поведенія казаковъ, все разрасталось, привлекая на свою сторону войско.

V. ВОЛЫНЦЫ.

Отъ солдатъ, вообще повліявшихъ своимъ сочувственнымъ отношеніемъ на ростъ движенія, переходимъ къ тѣмъ войсковыми частями, которыя открыто выступили на сторону народа и увѣнчали дѣло революціи.

Первымъ, кто поднялъ свое знамя за свободу родины, былъ гвардіи Волынскій полкъ. Въ восемь часовъ утра 27-го февраля на дворѣ учебной команды этого полка раздались первые выстрѣлы и въ честь разрывающей свои оковы Россіи. Былъ убитъ капитанъ Ляшкевичъ, наканунѣ заставлявшій стрѣлять въ толпу. Вслѣдъ за этимъ волынцы стройными рядами вышли изъ воротъ, вынеся на своихъ штыкахъ великій свѣтъ свободы на улицу, во главѣ со старшимъ унтеръ-офицеромъ Кирпичниковымъ. Они остановились вдоль Греческаго проспекта. Часть солдатъ была сильно возбуждена, а часть стояла съ поникшими головами, не зная, куда идти, что дѣлать и что будетъ дальше.

— Братцы, и я съ вами!—вдругъ раздался чей-то знакомый голосъ.

Это былъ голосъ прапорщика Георгія Астахова, который, переодѣвшись въ солдатскую шинель, первымъ изъ офицеровъ русской арміи примкнулъ къ возставшимъ солдатамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними побѣдить или погибнуть за свободу Россіи.

— За свободу отчизны!—съ новой бодростью, съ новой энергіей раздались голоса солдатъ. — Впередъ! Впередъ! Среди насъ Астаховъ!

Изъ казармъ лейбъ-гвардіи Сапернаго батальона кто-то стрѣлялъ изъ пулемета. Но пулеметъ быстро сняли, и саперы

присоединились къ волынцамъ. Послѣдніе пошли снимать ратниковъ полка, но тѣ сами съ криками «ура» переходили уже на сторону возставшихъ.

Встрѣчавшіе прохожіе снимали шляпы, фуражки, котелки. Женщины плакали. Такъ народъ привѣтствовалъ первый полкъ, поднявшій знамя свободы.

Кстати, нѣсколько словъ о вышеупомянутомъ старшемъ унтеръ-офицерѣ Кирпичниковѣ.

Тимофей Ивановичъ Кирпичниковъ, сынъ крестьянина Пензенской губ., Сарапскаго уѣзда, родился въ 1892 году. Учился въ мѣстной народной школѣ. Призванный на военную службу въ 1911 году, онъ служилъ въ Волынскомъ полку, который стоялъ тогда въ Варшавѣ, и въ 1914 г. былъ уволенъ въ запасъ. Но немного пришлось молодому Кирпичникову пробыть дома. Разгорѣлась война съ нѣмцами, и онъ снова былъ призванъ на военную службу. Въ первые же мѣсяцы войны онъ былъ отправленъ на позиціи. Подъ Люблиномъ былъ раненъ. Тимофей Ивановичъ говоритъ, что онъ все время сожалѣлъ, что не получилъ настоящаго образованія и старался пополнить пробѣлы въ своемъ развитіи путемъ чтенія книгъ. Но условія казарменной жизни мало способствовали занятію сомообразованіемъ. Въ казармѣ съ 10 часовъ вечера всѣ должны спать и о чтеніи вечерами не приходилось думать. Только украдкой, бывало, удавалось читать.

— Съ давнихъ поръ,—разсказываетъ Кирпичниковъ,—я сталъ относиться къ правительству безъ должнаго уваженія. Я присматривался, какъ живутъ въ деревнѣ крестьяне ,видѣлъ все ихъ горемычное житье, полное притѣсненій и слезъ, и затаилъ въ себѣ мысль, что все это происходитъ благодаря правительству, которому совсѣмъ нѣтъ дѣла до устроенія народной жизни. Очень мнѣ хотѣлось, будучи на военной службѣ, попасть въ школу прапорщиковъ. Доложилъ разъ объ этомъ офицеру, а онъ на меня закричалъ:

— Если ты еще разъ скажешь мнѣ это, такъ я тебя сейчасъ же отправлю въ дѣйствующую армію!

Обидно мнѣ стало это. Мнѣ хотѣлось войти въ офицерское общество не для чего-нибудь, не въ силу желанія превознестись надъ своимъ братомъ-солдатомъ, а только, чтобы лучше можно было проводить въ солдатскую среду правду и добрыя мысли.

VI. ПАВЛОВЦЫ.

Сами павловцы такъ излагаютъ исторію своего присоединенія къ возстанію:

«4-я рота лейбъ-гвардіи Павловскаго полка возстала противъ стрѣльбы въ народъ и вышла на улицу еще 26-го февраля, въ 3 ч. дня. Но такъ какъ у насъ было всего 100 ружей на 1500 человѣкъ, то многое сдѣлать мы не могли, а послѣ перестрѣлки съ полиціей, въ семь часовъ, вечера были водворены въ свое помѣщеніе, окончательно обезоружены и, какъ арестованные, ночь на 27-е февраля провели подъ охраной двухъ ротъ Преображенскаго и Кексгольмскаго полковъ, при чемъ скоро разнесся слухъ, что насъ приказано разстрѣлять въ 24 часа, такъ что эта ночь была у насъ историческая.

Каждый зналъ, что жить осталось не долго, а потому было не до сна. На наше счастье 27-го возстали другіе полки, избавившіе насъ отъ смертной казни.

Но старому правительству насъ, какъ зачинщиковъ, было жалко оставить безъ наказанія, и 27-го насъ всѣмъ полкомъ, съ офицерами и музыкой, отправили въ Зимній дворецъ, въ подземныхъ казематахъ котораго, какъ потомъ говорили, была устроена для насъ ловушка.

Но мы оттуда вырвались, и въ ночь на 28-е уже всѣмъ полкомъ перешли на сторону возставшаго народа».

VII. СЕМЕНОВЦЫ.

Запасный батальонъ гвардіи Семеновскаго полка письмомъ въ редакцію газетъ самъ счелъ нужнымъ выяснить свою роль въ дѣлѣ великой революціи.

«Съ первыхъ дней возникновенія народнаго движенія,— заявляли семеновцы,—командиромъ батальона было отдано непосредственное распоряженіе всѣмъ начальникамъ карауловъ отъ батальона, несмотря ни на какія требованія высшаго начальства и ни при какихъ обстоятельствахъ, въ народъ не стрѣлять. Слѣдствіемъ этого распоряженія явилось то, что за время великой революціи ни одинъ семеновецъ не сдѣлалъ буквально ни одного выстрѣла и оружія противъ народа не употреблялъ. Всѣ дѣйствія ротъ и командъ семеновцевъ были совершенно опредѣленны и согласованы, и въ Петроградѣ уже 26-го февраля усиленно распространялись основательные

слухи о томъ, что семеновцы не стрѣляютъ, что семеновцы— съ народомъ, и это, несомнѣнно, повліяло на успѣхъ революціи и открытое присоединеніе другихъ воинскихъ частей. Батальонъ семеновцевъ 27-го февраля, одинъ изъ первыхъ присоединился къ революціонному движенію, изъявивъ полную готовность поддержать всѣми силами Государственную Думу въ ея рѣшеніи свергнуть старый строй. Изъ своей среды батальонъ понесъ потерю въ числѣ солдатъ: Ковальчука и Нестерова, убитыхъ городовыми и впослѣдствіи съ почестями погребенныхъ въ братской могилѣ борцовъ за свободу на Марсовомъ полѣ. Слѣдствіемъ всего изложеннаго явилось то, что командиръ запаснаго батальона гвардіи Семеновскаго полка, полковникъ П. И. Назимовъ, единственный изъ 16 командировъ запасныхъ батальоновъ, бытъ единогласно переизбранъ своими солдатами вновь командиромъ запаснаго батальона».

VIII. ПРЕОБРАЖЕНЦЫ.

Особенное мѣсто среди первыхъ возставшихъ полковъ занимаетъ гвардіи Преображенскій полкъ. Отъ крестьянина-солдата до офицера изъ старинныхъ дворянскихъ родовъ— всѣ преображенцы вышли, какъ одинъ, на грозный зовъ свободы, едва только заслышался мѣрный шагъ революціи.

Вотъ какъ описываетъ очевидецъ ходъ выступленія этого славнаго полка:

«25-го февраля, въ 9 ч. утра, по телефону было назначено на улицу нѣсколько ротъ по экстренному вызову. Остающіеся товарищи не знали, куда ихъ поведутъ. У всѣхъ было тревожное настроеніе.

Въ 10 час. утра назначеннымъ ротамъ уже раздавали патроны. Въ это время приходитъ взволнованный, чѣмъ-то разстроенный командиръ 4-й роты штабсъ-капитанъ Леонтій Эллiотъ и разсказываетъ, почти со слезами:

— Сегодня моя сестра ѣхала въ трамваѣ. Трамвай остановила толпа Они звали всѣхъ идти вмѣстѣ съ ними просить хлѣба. Моя сестра пошла... Братцы, я стрѣлять не буду. Какъ мы можемъ стрѣлять въ свой народъ, да еще въ голодный народъ, который проситъ хлѣба.

Взводные и отдѣленные и такъ знали, что никто не будетъ стрѣлять и, разнося по всѣмъ 48-ми рядамъ преображенцевъ патроны, говорили:

— Брать, братцы, берите, но всѣ до одного принесите назадъ...

Роты ушли. И только въ 2 часа ночи пришли съ улицъ въ казармы, голодные и усталые. Всѣ съ облегченіемъ вздохнули, когда узнали, что преображенцамъ стрѣлять не пришлось, что все время ихъ продержали въ цѣпи на Полицейскомъ мосту. Многіе не спали всю ночь напролетъ. Всѣ были взволнованы, всѣ будто ждали общаго сигнала, чтобы взять винтовки, подняться, возстать...

26-го февраля... Въ 10 часовъ утра роты уже были въ строю. Командиръ 4-й роты Элліотъ былъ, кажется, еще блѣднѣе, чѣмъ вчера, и мягко, какъ старый боевой товарищъ, предостерегалъ солдатъ отъ стрѣльбы въ народъ. Роты снова вышли на улицу. И снова стрѣлять не пришлось.

Въ тотъ же день 1-я рота получила приказъ идти на Полицейскій мостъ, чтобы встать тамъ цѣпью и никого не пропускать къ Зимнему дворцу. Ротой, по наряду, командовалъ капитанъ Скрыпицинъ. У этого человѣка холодная англійская выдержка. 28 мѣсяцевъ провелъ онъ на фронтѣ, имѣетъ золотое оружіе и уже получилъ всѣ боевыя отличія.

На мосту встали цѣпью. Капитанъ, дѣйствуя по инструкціи командира батальона, повинуясь своему убѣжденію и идя навстрѣчу настроенію солдатъ, приказалъ отнюдь не стрѣлять. Съ нимъ были согласны его помощники, офицеры—Селецкій и Розенпильдъ, потерявшій на войнѣ руку.

Когда къ Полицейскому мосту подходили толпы народа, толпы рабочихъ, женщинъ и дѣтей, офицеры убѣждали ихъ расходиться.

— Мы разгуливали, — разсказывалъ улыбаясь Скрыпицинъ,—въ корридорѣ между цѣпью солдатъ и толпой. Разговаривали, перекидывались шутками. Всѣ были настроены добродушно.

Всталъ уже вечеръ. Расходилась одна толпа, ее смѣняла другая, и снова убѣжденія, смѣхъ и добродушныя шутки. Но полицейское рвеніе полицейскаго пристава чуть было не испортило общаго настроенія. Онъ выставилъ своихъ городовыхъ впередъ изъ-за цѣпи, приказалъ вынуть шашки и началъ уже было избіеніе.

— Г. полковникъ. Моментально уберите вашихъ полицейскихъ за мою цѣпь!—крикнулъ ему капитанъ Скрыпицинъ.

— Какъ убрать? Наоборотъ, это вы должны мнѣ помочь, вы должны дать залпъ... чего вы ждете? Давайте же залпъ!

— Этотъ залпъ въ первую голову сразитъ васъ,—спокойно оборвалъ его Скрыпицинъ и отошелъ, пожавъ плечами.

Приставъ отозвалъ городовыхъ за солдатскую цѣпь, а самъ поѣхалъ въ градоначальство жаловаться на мятежнаго офицера.

27-го февраля... Утромъ нѣсколько ротъ, по экстренному вызову, выступили на улицы. Въ 11 часовъ утра всѣ свободные офицеры собрались въ офицерскомъ собраніи. Чувствовали, что всѣмъ надо высказаться и обсудить, что дѣлать.

Капитанъ Скрыпицинъ подалъ мысль, къ которой присоединились всѣ:—нужно выйти на площадь Зимняго дворца и постараться собрать тамъ всѣ другія гвардейскія части.

И вотъ, въ 11 часовъ утра, 27 февраля 1500 преображенцевъ, во главѣ съ офицерами, перешли Зимнюю канавку и выстроились у Александровской колонны, спиной къ дворцу.

На Милліонной ул. нѣсколько офицеровъ реквизировало автомобиль какого-то биржевого маклера, его высадили и приказали шоферу съ предѣльной скоростью гнать машину къ казармамъ измайловцевъ, егерей и семеновцевъ. Созывать гвардію на площадь поѣхали офицеры: князь Эристовъ, Головинъ и Квашнинъ-Самаринъ.

Одинъ только лозунгъ, одна только мысль была у преображенцевъ, и они вѣрили, что всѣ пойдутъ за ними:

— Ничѣмъ не препятствовать революціи, но внести порядокъ въ ея мятущійся потокъ, избѣгать кровопролитія и собраться на площади, чтобы оттуда, какъ организованной силѣ, предъявить требованія народа правительству.

Къ преображенцамъ на Дворцовую площадь стали подходить войска.

Пришелъ со всѣми офицерами Пулеметный полкъ, пришли роты егерей и петроградцевъ. Ждали другихъ. Командиръ гвардіи генералъ Безобразовъ, старѣйшій изъ бывшихъ преображенцевъ, обходилъ войска и здоровался съ ротами.

Капитанъ Скрыпицинъ рѣшилъ въ это время съѣздить въ градоначальство. Онъ думалъ, что можетъ быть удастся еще уговорить Хабалова или Балка прекратить безполезное, дикое сраженіе на улицахъ.

Поѣхалъ. Спокойно, безъ всякихъ пропусковъ, поднялся

наверхъ, спокойно вошелъ въ кабинетъ градоначальника. Первое, что бросилось ему въ глаза, было нѣсколько жандармскихъ генераловъ съ растерянными, перепуганными лицами.

Капитанъ Скрыпицинъ подошелъ къ Хабалову, а тотъ крикнулъ ему:

— Послушайте, необходимо дѣйствовать рѣшительно!

— Солдаты стрѣлять не будутъ, ваше превосходительство,—спокойно отвѣтилъ Скрыпицинъ.

— Не будутъ! Такъ прикажите имъ...

— Наоборотъ, мы имъ прикажемъ не стрѣлять!

— Какъ? — затопалъ ногами Хабаловъ. — Я васъ арестую!

— Какъ будетъ угодно вашему превосходительству, но это общее мнѣніе, и всѣ мы считаемъ своимъ долгомъ сказать, что изъ насъ стрѣлять не будетъ никто. Успокоить народъ можно только справедливыми уступками, а не пальбой. Это уже вамъ больше не поможетъ.

И Хабаловъ, совершенно не зная, что дѣлать, сталъ спрашивать совѣта у капитана, котораго онъ только, что хотѣлъ арестовать.

Капитанъ уѣхалъ на площадь.

Въ 8 часовъ вечера старшіе офицеры, во главѣ съ командиромъ батальона, собрались въ комнатѣ, рядомъ съ билліардной.

Младшіе офицеры столпились въ билліардной и ждали. Наконецъ открылись двери и адъютантъ батальона, поручикъ Макшеевъ, громко, еле сдерживая радостное волненіе, объявляетъ:

— Преображенскій батальонъ, весь, со всѣми офицерами, рѣшилъ присоединиться къ Временному Правительству и признать его власть. Идемъ, господа, скажемъ объ этомъ командамъ!

Всѣ ждали такого рѣшенія, но всѣхъ охватывалъ свѣтлый подъемъ.

Молодые офицеры побѣжали по своимъ ротамъ, вскакивали на солдатскія нары, на столы и говорили пылающія радостью рѣчи:

— Братья-преображенцы! Вы знаете, что нашъ полкъ былъ всегда за свободу. Больше 100 лѣтъ мы ждали этой минуты... Русскій народъ отнынѣ свободенъ... Сольемся же,

...кръпимъ ее, братья... Помните, что нашъ желѣзный солдатскій строй, что нашъ порядокъ есть та сила, которая будетъ поддерживать Временное Правительство.

Во всѣхъ командахъ, во всѣхъ ротахъ катилось могучее «ура».

Присоединеніе Преображенскаго полка придало рѣшимость Государственной Думѣ, которая до той минуты колебалась. Самъ полковникъ Энгельгардтъ, членъ Исполнительнаго Комитета, заявилъ преображенцамъ:

— Знайте, господа... Ваше рѣшеніе первымъ придти къ намъ на помощь, прекратило всѣ колебанія Родзянко встать во главѣ Исполнительнаго Комитета. Теперь можно сказать, что мы уже побѣдили.

IX. МОЗГЪ, НОГИ, РУКИ.

Теперь вернемся къ Государственной Думѣ и выдвинутымъ ею сначала Исполнительному Комитету, а затѣмъ и Временному Правительству. Какова ея роль въ сверженіи стараго строя и освобожденіи Россіи?

— Громадна!—вотъ какой только можетъ быть отвѣтъ.

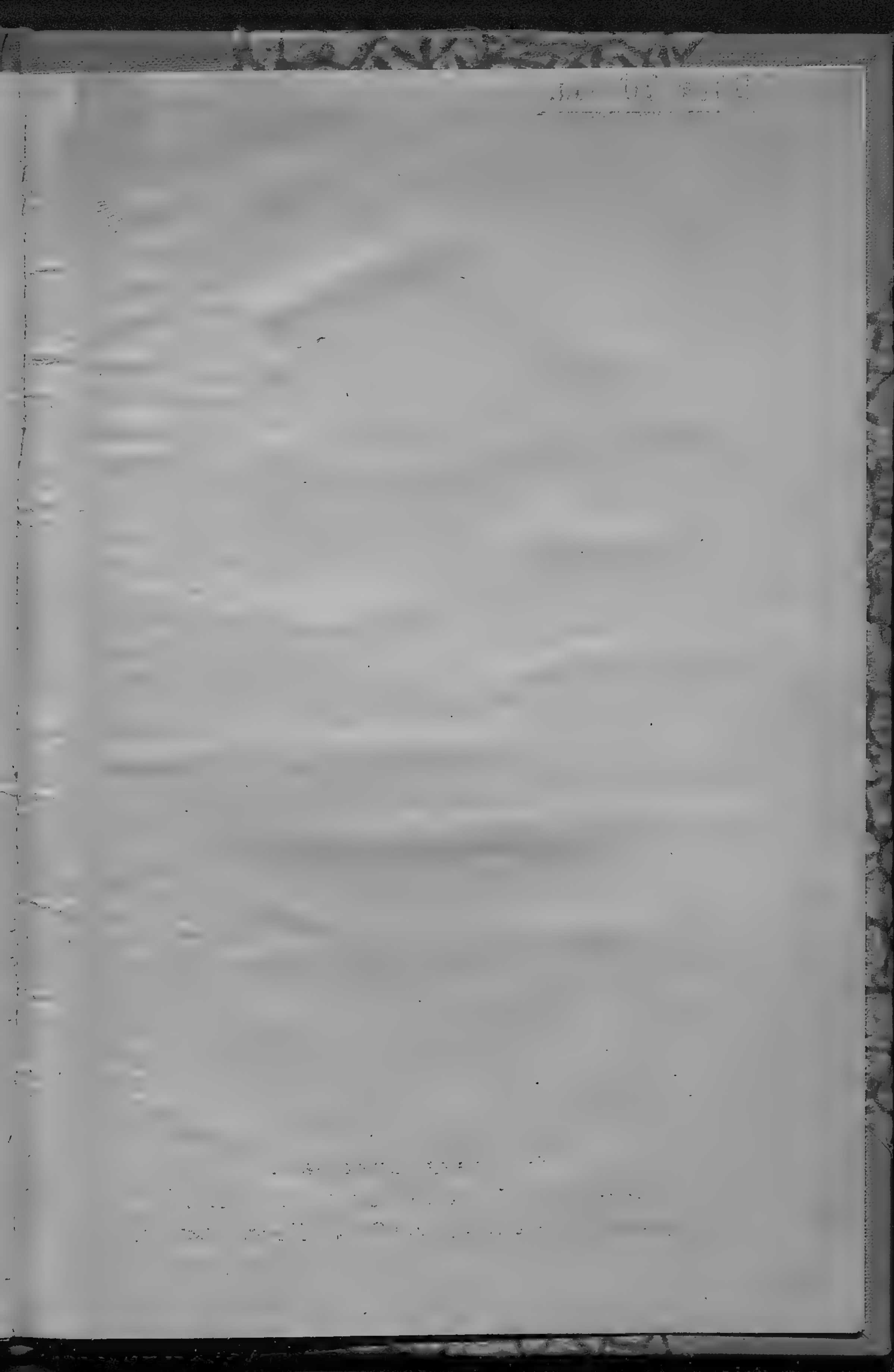
Государственная Дума была той почвой, на которой все происходило—и начало, и конецъ. Не выступи она сразу на путь борьбы хотя бы пассивной—рабочій, можетъ быть, не началъ бы, солдатъ не примкнулъ бы, страна не посодѣйствовала бы.

Вотъ признаніе самого Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

— Мы,—сказалъ оффиціально представитель Совѣта,— прекрасно отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что проведеніе нашей программы Совѣтомъ наткнется на колоссальное сопротивленіе элементовъ буржуазныхъ и консервативныхъ, **которые не окажутъ этого сопротивленія, если ее будетъ проводить Временное Правительство**, и что мы въ высшей степени облегчали себѣ задачу и всей россійской демократіи, передавая осуществленіе этой программы въ руку этихъ людей.

Окончимъ нашъ очеркъ слѣдующимъ сравненіемъ. Рабочіе—это были ноги революціи, солдаты—руки, а Государственная Дума—мозгъ или душа.

Вотъ та триединая сила, которая дала народу свободу.

Цѣна 20 коп.

Требованія адресовать:
Петроградъ, Б. Конюшенная, 13, кв. 24,
издательство „Солдатскій Союзъ Просвѣщенія“.

